

Слова Гу Хуайцина, произнесенные с игривой усмешкой, показались Сяо Цзину пропитанными лёгкой ревностью. Император пребывал в прекрасном настроении, уголки его губ задорно приподнялись, но на словах он промолвил: «Оба они — хитры как обезьяны. Играть со мной в шахматы для них сущее мучение: нельзя ни выиграть, ни проиграть слишком явно. Сплошные уловки! С тобой же, Хуайцин, играть куда приятнее. Не нужно думать о победе или поражении, можно действовать как душе угодно».

Гу Хуайцин с горделивым видом приподнял бровь и, не церемонясь, взял чёрную нефритовую фигуру, с щелчком поставив её в угол доски: «Иначе разве был бы я достоин называться доверенным лицом Вашего Величества?»

Послеполуденное солнце мягко заливало светом зал, где государь и его подданный непринуждённо сидели друг напротив друга. В тишине лишь звонкий стук фигур о нефритовую доску разносился эхом под высокими сводами...

Выйдя из дворца, Дуань Минчэнь заглянул в Северное усмирительное ведомство, чтобы отметить явку, затем разделил с братьями из Гвардии в парчовых халатах двести мешков риса — императорскую награду — и верхом отправился домой, в Переулок Львов.

У самых ворот он столкнулся со своей матерью, госпожой Дуань из клана Юнь, которая как раз выходила из паланкина.

Видимо, госпожа Дуань возвращалась с торжественного приёма, ибо была одета с особой пышностью. На голове красовалась причёска дицзи, перевитая золотыми нитями; в центре смоляных волос сверкало золотое фэньсинь с нефритом, изображающее Гуаньинь среди цветущего пруда, а по низу причёски шёл ряд золотых хуадянь, инкрустированных рубинами. В ушах поблёскивали золотые серьги-фонарики с агатом — подарок сына с Северных пределов. На плечах лежал карминно-красный плащ с широкими рукавами, украшенный узором из вьющихся лотосов; под плащом виднелась длинная белая шёлковая куртка со стоячим воротником и приглушённым узором цветов сливы, а ниже — тёмно-красная юбка из крепового шёлла, подол которой был расшит золотыми нитями с пионами.

Госпожа Дуань и без того была красавицей, но обычно не любила наряжаться. Однако сегодня, облачившись в столь роскошный наряд, она выглядела поистине ослепительно. Её лицо сохраняло молодость, но при этом излучало зрелую, пленительную грацию, отчего многие прохожие замирали, не в силах оторвать взгляд.

Дуань Минчэнь поспешил отогнать зевак и, подойдя, помог матери сойти. «Матушка, что за повод для столь торжественного убранства?»

«М-м... У госпожи маркизы Динъюаня сегодня день рождения. Пригласила послушать оперу». Едва переступив порог, госпожа Дуань тут же заторопила служанок: «Быстрее, быстрее, помогите снять все эти тяжести с головы! Ох, как же тяжело, шея вот-вот сломается!»

Дуань Минчэнь с трудом сдерживал улыбку. На людях его мать была образцом сдержанности и благородства, но дома полностью преображалась, поступая так, как ей удобно.

Он махнул служанке: «Ступай, я сам помогу матушке».

Госпожа Дуань, выпив пару бокалов на приёме, была слегка навеселе и безвольно оперлась на сына.

Дуань Минчэнь, поддерживая мать, уловил лёгкий запах вина и с неодобрением покачал головой: «Слушать оперу — это одно, но зачем же пить?» Его беспокоило, что такая красавица, оставшись без присмотра, могла стать жертвой чьих-то недобрых намерений.

Госпожа Дуань сердито приподняла тонкие брови и с укором глянула на сына: «Ты думаешь, мне нравится общаться с этими лицемерами? Всё это — ради тебя!»

Дуань Минчэнь на мгновение замер, затем понял её намёк. Он знал, что мать переживает из-за его положения. Хотя он и занимал высокий пост, его семья не обладала ни большим богатством, ни влиянием. Среди знатных дам его матери, вероятно, приходилось терпеть пренебрежительные взгляды.

Сердце Дуань Минчэня сжалось от жалости. «Матушка, зачем вам мучиться ради меня? Судьба — дело небесное. Что должно быть нашим, то будет, а что нет — не стоит принуждать».

Госпожа Дуань, глядя на сына, облачённого в халат с драконом-ман, с гордостью погладила его по щеке: «Ты прав. Мой сын так прекрасен, что ему нечего бояться остаться без жены. Это они слепы и не видят твоих достоинств!»

В глазах матери её сын, конечно, был самым лучшим, но Дуань Минчэнь смутился от таких похвал. В его мыслях возник образ другого человека, облачённого в алый чиновничий халат. Его мать не видела Гу Хуайцина — того, кого действительно можно было назвать неотразимым, оставляющим неизгладимое впечатление.

Дуань Минчэнь с привычной ловкостью снимал с матери украшения, аккуратно раскладывая их на туалетном столике. Этот набор золотых украшений с драгоценными камнями был частью её приданого — изысканный и дорогой, но, несмотря на ценность, уже начал показывать признаки времени: края слегка стёрлись, а блеск утратил былую яркость.

Дуань Минчэнь задумался: у его матери, кажется, был только этот один достойный набор украшений. Все женщины любят красивые вещи, а его мать, будучи такой прекрасной, не имела достойных драгоценностей. Он почувствовал укол вины и печали. «Матушка, я только что получил награду. Позвольте заказать для вас новый набор украшений».

Госпожа Дуань махнула рукой: «Я уже не молодая девушка, зачем мне такие пёстрые безделушки? Лучше оставь для себя. Ты же знаешь, как нынче растут цены. Женитьба обойдётся в копеечку, нельзя ударить в грязь лицом».

Ох, опять за своё... Дуань Минчэнь с досадой потер лоб. Он заметил: любой разговор с матерью, длившийся более трёх фраз, неизбежно сводился к намёкам на его женитьбу. Это утомляло.

Чтобы отвлечь мать, он быстро сменил тему: «Матушка, вы слышали? Академик Чжан из соседнего дома отправляется в область Иньчжоу на должность. Видимо, скоро переедет».

«Правда? Академику Чжану и так нелегко пришлось. Десять лет упорной учёбы, успешная сдача экзаменов, годы службы в Академии Ханьлинь... Наконец-то он получил шанс проявить себя».

Чиновники, в отличие от военных, не могли войти в высшие эшелоны власти без опыта в Академии Ханьлинь. Лишь те, кто занимал первые места на экзаменах, могли стать кандидатами на должность в Академии, но это была всего лишь номинальная позиция с мизерным жалованьем. Требовалось много времени, чтобы добиться настоящего успеха.

Академику Чжану повезло получить назначение на государственную службу, что наконец дало ему официальный статус.

Госпожа Дуань продолжила: «Когда тебя не было дома, жена академика Чжана часто заходила ко мне поболтать, помогала в делах. Теперь, когда он уезжает из столицы, мы должны подготовить достойный подарок, чтобы сохранить добрые соседские отношения».

«Это правильно, я позабочусь об этом», — пообещал Дуань Минчэнь.

Госпожа Дуань с одобрением кивнула, но затем вздохнула: «Эх, интересно, кто теперь поселится по соседству? Надеюсь, это будут достойные люди».

Дуань Минчэнь рассмеялся: «Матушка, не беспокойтесь. Если соседи окажутся неподходящими, я приведу Гвардию в парчовых халатах и выселю их!» С этими словами он с притворной серьёзностью выхватил клинок «Вышитая весна» и сделал несколько размашистых движений.

Госпожа Дуань, хотя и понимала, что это шутка, не смогла сдержать смех.

Как глава Гвардии в парчовых халатах, Дуань Минчэнь всегда был занят делами.

Спустя пару дней он получил задание отправиться на земли Янь, чтобы тайно расследовать дело о коррупции одного губернатора. Попрощавшись с матерью и не забыв передать сообщение Гу Хуайцину в Восточную Ограду, он с несколькими подчинёнными из Гвардии поспешил в путь.

Земли Янь находились далеко от столицы. На дорогу туда и обратно, а также на расследование ушло около месяца. Когда Дуань Минчэнь вернулся в столицу, он был полон беспокойства. Перед отъездом его мать слегка приболела, и хотя позже он получил письмо, в котором говорилось, что она поправилась, он всё равно переживал за неё, оставшуюся одну в доме.

Дуань Минчэнь, торопясь домой, погонял своего коня Тёмную Тучу в Снегах, стремясь как можно скорее добраться до столицы. У ворот дома он передал коня слуге и, не дожидаясь, пока его объявят, сразу направился во внутренние покои.

Он хотел устроить матери сюрприз, но, войдя во двор, услышал из комнаты её звонкий смех, смешанный с голосом молодого мужчины.

Дуань Минчэнь остолбенел. Неужели за время его отсутствия мать завела роман? Он не был против того, чтобы она снова вышла замуж, но это должно было происходить должным образом, а не тайком!

В гневе он распахнул дверь, намереваясь поймать любовника и преподать ему урок.

Госпожа Дуань, полулежавшая на кушетке, увидев сына, села и с радостью улыбнулась: «Сынок, ты вернулся!»

Но Дуань Минчэнь не стал тратить время на приветствия, а резко взглянул на мужчину, сидевшего перед его матерью. В этот момент тот обернулся и, улыбнувшись, сказал: «Брат Дуань, давно не виделись».

Дуань Минчэнь замер: «Хуайцин? Ты... Что ты здесь делаешь?»

Гу Хуайцин был одет в модный алый костюм с круглым воротником, на голове у него была шапка танцзинь с чёрными мягкими крыльями, свисающими по бокам, что придавало ему элегантный и утончённый вид.

<http://bllate.org/book/16283/1466992>